

А.Н. Красовец (Москва, Россия)

Деятельность группы поэтов-биокосмистов (1920–1923) в контексте авангардной парадигмы и философии русского космизма

Аннотация: В статье рассматривается хроника деятельности поэтической группы биокосмистов (1920–1923), причисляющей себя к движению анархистов, и теоретическая программа их творчества. Лидером и идеологом течения выступил А.Ф. Агиенко (А. Святогор), возглавивший московскую группу биокосмистов; северной группой биокосмистов-иммортиалистов в Петрограде руководил А.Б. Ярославский. Поэты выдвигали радикальные идеи личного бессмертия, путешествия в космос и воскрешения мертвых, наряду с тезисами о словесном творчестве. Анализ их программных текстов представлен в контексте авангардной парадигмы и философии русского космизма, в частности – «Философии общего дела» Н.Ф. Федорова.

Ключевые слова: биокосмизм, поэтические группы 1920-х гг., А. Святогор (А.Ф. Агиенко), А.Б. Ярославский, русский авангард, космизм, Н.Ф. Федоров

A.N. Krasovets (Moscow, Russia)

Activity of Biocosmic Poets (1920–1923) and in Context of Russian Avant-Garde and Philosophy of Cosmism

Abstract: The article discusses the chronicle of the poetic group of biocosmists (1920–1923), claiming to be the movement of anarchism, and their theoretical program. A.F. Agienko (A. Svyatogor), who headed the Moscow group of biocosmists, acted as the leader and ideologist of the movement. The northern group of biocosmists-immortalists in Petrograd was headed by A.B. Yaroslavsky. Poets put forward radical ideas of personal immortality, traveling into space and the resurrection of the dead, along with the theses on verbal creativity. The analysis of their program texts is presented in the context of the avant-garde paradigm and philosophy of Russian cosmism, in particular the “Philosophy of the Common Cause” of N. F. Fedorov.

Key words: biocosmism, poetic groups of the 1920s, A. Svyatogor (A.F. Agienko), A.B. Yaroslavsky, Russian avant-garde, cosmism, N.F. Fedorov

В начале 1920-х гг. в Москве заявляет о своем существовании группа под названием «биокосмисты». Официально идеи биокосмизма представляет лидер дви-

жения Александр Святогор (А.Ф. Агиенко) 16 декабря 1920 г. в конференц-зале бывшего ресторана «Яр», преобразованного в дворец рабочих¹.

Основателями группы стали Александр Федорович Агиенко (конец 1880-х – после 1937?), который, как правило, выступал под псевдонимом Александр Святогор, и Александр Борисович Ярославский (1896–1930). Основная деятельность группы протекает в Москве под руководством поэта и анархиста Агиенко, который играет роль лидера и теоретика движения. Нам немного известно о его личности. Как поэт он заявляет о себе в 1910-е гг., тогда же и появляются его первые стихи, не имеющие, однако, большого успеха у публики. Агиенко выделяется своими радикальными политическими и художественными взглядами; так, он выдвигает понятие «вулканизм», требуя упразднения всей буржуазной культуры, на смену которой должна прийти «вулканкультура». Определения последней достаточно расплывчаты, впервые она представлена в книге 1917 г. «Петух революции», открывающейся программным текстом «Да здравствует Вулканизм!»²; позже в периодических изданиях московских анархистов выходит несколько статей, посвященных этому понятию³. В 1917 г. Святогор описывает следующим образом свой дебют в поэзии и идею вулканизма: «В 1909 г. в сборнике “Взмахи”⁴ я возглавил “новую дорогу, здоровую и бодрую”. В 1913 г. издал “Стихеты о Вертикали”⁵, где пел восхождение, оборотство, энмерность, священную Вертикаль, Вулканную красоту. Словесной мерзостью встретили мою книжку. Но мне весело: ведь наш мир слишком плох для Вулканиста. Мне весело, ибо я пришел сжечь все.

В меня плюют, бросают нечистотами. Во мне видят врага, и меня боятся печатать. А я гордо и весело несу свою судьбу Вулканиста. В ней я обретаю силу и могущество. Я оттачиваю свою мысль, кую свою волю. Я верю в свое дело, как верю в вашу гибель.

Я выхожу из всех границ и норм вашего общества и вашей горекультуры <...>. Я презираю и ненавижу ваше счастье и благополучие. В твердом сознании своей правоты и достоинства, я бесцеремонно плюю на ваши желания, привычки, понятия и худосочные идеалы. Я непримирим. Я священно зол. Моя непримиримость горит гигантскими кострами, ее жуткое зарево брошено в глубины космоса. Я иду к вам не как пастырь добрый, но как разбойник <...>. Вы, которых тошнит от современного искусства, от низкой литературной продажности, от завистливого злословия критиков, от тупости профессоров, от глупости и меркантильности издателей! Я вам глашаю Вулканизм! <...>

Тебе, крепкая молодежь, огонь земли, я кричу: Вулканная поступь в мысли, в слове, в деле! Мудрость и полет! Мудрость и взрыв! Мудрость и созидание! Грядущий мир, как реализованная вулканная мечта! Тебе я кричу Вулканизм!

Моя каждая буква – священное разрушение, мой каждый жест – священный разбой! <...>

¹ См.: Агиенко А. Из жизни Московской секции Анархистов-универсалистов // Универсал. 1921. № 1–2. С. 28–29.

² Hagemeister M. Die « Biokosmisten » – Anarchismus und Maximalismus in der frühen Sowietzeit // Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag: 1, Beiträge zur ostslawischen Philologie. München, 1983. S. 64.

³ Агиенко А. Из нашей летописи // Биокосмист. Орган организации Креаторий российских и московских анархистов-биокосмистов. М., 1922. № 1. С. 2; Святогор А. Вулканреволюция // Анархия. 1918. № 62. 18 мая. С. 4.

⁴ Взмахи. Сборник. Орган молодых. Вып. 1. М., 1909–1910.

⁵ Святогор А. Стихеты о Вертикали. М., 1914 (вышел в октябре 1913 г.); 2-е изд.: Святогор А. Стихеты о Вертикали. М., 1916.

Плевков на Аполлона и упразднение Венеры – это лишь хорошее невинное мальчишество. Нам нужны решительные меры.

Нужны решительные меры не во имя дикарства, зверости, но во имя высшей культуры <...>.

Мы выросли из всех культур. Мы жаждем новой культуры – Вулкан-культуры <...>.

Вулканизм – вот величайшая мечта, мысль, воля и дело моей жизни!»¹

Концепция вулканизма включает в себе идею духовной революции и абсолютной свободы во всех сферах духовной жизни: в искусстве, философии, религии. Очевидны аллюзии на футуризм, на его провокационные атаки на классическую культуру, – но футуризм кажется автору слишком узким, чтобы осуществить истинные изменения вселенского масштаба. Ощутимо присутствие идей Ф. Ницше: Святогор верит в человеческую волю и ее силу, способную преобразовать целый мир. Книга наполнена предчувствиями всепланетных катаклизмов, предстоящих радикальных изменений, всюду проявляет себя и приверженность автора идеям анархизма. Позднее, в 1922 г., Агиенко с гордостью заявит, что выход его книги «Петух революции» и первое печатное обнаружение «идей иммортализма и космоплавания» совпали с началом Февральской революции, обозначив тем самым великий смысл происходящих событий, «которые не могли быть только политическими и социальными, но необходимо дерзали в космос, в бесконечность времени»².

Святогор присоединяется на короткий период к группе анархо-футуристов, образовавшейся вокруг журнала «Анархия». После пропаганды вулканреволюции в 1917–1918 гг. следует двухлетнее пребывание Агиенко в Украине, где и приобретает свою форму идея биокосмизма. Основные идеи биокосмизма уже присутствуют в «вулканизме», по сути представляющем собой новый космогонический миф: «На великой пустыне развалин, придя в экстаз творческого оплодотворения, взвулканить землю, как величайшую самку, пробудить в ней величайшую жажду зачатия и в ее священном брюхе начертать миллиарды великанов, превосходящих любое божество. Вулканные исполины в своем огненном детстве будут играть солнцами, как мячами, и детской площадкой им будет служить бескрайность космоса. В своем отрочестве они затеют великую игру – прививку друг другу бациллы бессмертия. И, победив смерть, они своими руками, как глину скульптор, замесят весь дух и всю материю мироздания, чтобы из них воздвигнуть совершенно новый космос. Первоисточником для вулканного творчества послужит наша революция, углубленная до революции духа и материи, до вулканреволюции»³. Святогор пытается таким образом вернуться в точку человеческой предыстории и домифологическому пласту социального, создав новый миф, который, наделив человека бессмертием, отменит и общественную насильственную практику. Следовательно, биокосмизм является продолжением логики данного революционного мифа, нацеленного на создание «нового человека», но с попытками привлечь последние достижения науки и техники.

О начале деятельности биокосмистов мало что известно. Очевидно, существовали две группы: московская и северная группа в Петрограде. Московская группа действует под руководством Александра Святогора и Павла Иваницкого. Александр Ярославский и Вольдемар Берг возглавляют северную группу, в числе членов группы фигурируют И. Ланг, Й. Рабинович и К. Якобсон. Биокосмистами себя

¹ Святогор А. Петух революции. М., 1917. С. 14–15.

² Агиенко А. Из нашей летописи // Биокосмист. М., 1922. № 1 (март). С. 2–3.

³ Святогор А. Вулканреволюция // Анархия. 1918. № 62. 18 мая. С. 4.

также называют Е. Грозин, Н. Дегтярев, В. Анист, И. Линкст, О. Лор, О. Чекин и Б. Гейго-Уран, художники В. Зикеев и П. Лидин. С 1922 г. они начинают выпускать собственные периодические издания: «Биокосмист»¹ (под редакцией Агиенко) в Москве и «Бессмертие»² (под редакцией Ярославского) в Петрограде. В них публиковались материалы о биокосмизме, стихи и научно-популярные статьи.

По своим политическим взглядам движение причисляло себя к анархизму. В контексте революционной диктатуры советского государства анархисты выступали против всех институтов советской власти. Как следствие, под предлогом борьбы с бандитизмом, большевики в ночь с 11 на 12 августа 1918 г. уничтожили все анархистские организации Москвы, что вскоре произошло также с анархистскими организациями по всей стране. Анархизм, таким образом, оказался в кризисной ситуации и вынужден был заново определить свою позицию в отношении советского государства. В декабре 1920 г. заявляет о своем существовании движение анархистов-универсалистов, которые присоединяются к рабочему движению на пути строительства нового общества, в то же время они стараются оставаться верными доктрине М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина, т. е. не признают диктатуру пролетариата. Часть из них осознает всю тщетность подобной тактики и решает признать советскую власть как необходимый этап на пути к свободному обществу.

Приблизительно в начале 1921 г. Святогор и небольшая группа биокосмистов вступают в ряды «универсалистов»³, Святогор становится также членом секретариата организации. В течение 1921 г. выходит несколько статей о биокосмизме в периодике анархистов-универсалистов под названием «Универсал». Группа также полемизирует с другими течениями внутри анархизма; так, Святогор, в частности, атакует имажинистов, которые, по его мнению, не в состоянии предложить ничего нового с теоретической точки зрения, их художественное течение он относит к правому флангу⁴, тогда как футуристы, по его мнению, находятся в центре, а биокосмисты защищают позиции крайне левых⁵. Анархисты-универсалисты располагают собственным клубом (по адресу Тверская улица, д. 68), где проходят дискуссии и чтение докладов, во время которых затрагиваются вопросы политики, философии и культуры.

17 апреля 1921 г. в Москве провозглашается создание «Креатория биокосмистов»⁶, состоящего из 26 членов, в числе которых Святогор и Иваницкий. В октябре-ноябре происходит раскол между Креаторием биокосмистов и анархистами-универсалистами, поддержавшими Кронштадское восстание, в результате чего 29 декабря 1921 г. основывается «Креаторий российских и московских анархистов-биокосмистов» (К. Р. и М. А.-Б.)⁷, в состав которого входят Святогор, Иваницкий, Николай Дегтярев, В. Зикеев и Е. Грозин. Они пишут общую декларацию, напечатанную газете «Известия» за 4 января 1922 г.⁸

¹ Биокосмист. Орган организации Креаторий российских и московских анархистов-биокосмистов. М., 1922. № 1 (март); № 2 (апрель), № 3–4 (май-июнь).

² Бессмертие. Орган северной группы биокосмистов (иммортиалистов) и комитета поэзии биокосмистов. 2-е изд. Пг., 1922. № 1 (25 нояб.).

³ Всероссийская (или Московская) секция анархистов-универсалистов (ВСАУ или МСАУ) была основана в Москве в декабре 1920 г. См.: *Avrich P. The Russian Anarchists*. Princeton, 1967. P. 201–203; *Коллин В.В. Анархизм в России*. Калинин, 1969. С. 168–178.

⁴ *Святогор А.* Лавочка поэтов // Универсал. 1921. № 1–2. С. 32–33.

⁵ *Святогор А.* Современная поэзия и биокосмизм // Универсал. 1921. № 3–4. С. 13–15.

⁶ Креаторий биокосмистов // Универсал. 1921. № 3–4. С. 3.

⁷ Из протокола № 1 // Известия ВЦИК. 1921. № 167. 31 июля. С. 2.

⁸ Креаторий Российских и Московских анархистов-биокосмистов («Декларативная резолюция») // Известия ВЦИК. 1922. № 4 (4 янв.). С. 3.

Идеи биокосмистов подробно представлены в небольшой книге «Биокосмизм»¹, вышедшей в декабре 1921 г., указанный тираж составляет 2000 экземпляров. Затем следует второе издание под названием «Два»². Материалы этих двух публикаций позже переизданы в биокосмистской периодике «Биокосмист»³, которая выходит ежемесячно между мартом и июнем 1922 г. солидным тиражом – 4000 экземпляров. Манифест биокосмистов под названием «Биокосмическая поэтика»⁴, составленный Святогором, включает в себе основные тезисы их программы, среди которых осуществление личного бессмертия, победа над пространством в виде межпланетных путешествий и воскрешение мертвых.

Летом 1922 г. к движению московских биокосмистов на короткое время присоединяется прибывший с Дальнего Востока Александр Ярославский, перед этим он успевает организовать свою собственную группу под названием «супрадины», идеологически близкую биокосмистам. В результате после двухнедельного пребывания в качестве члена «Креатория биокосмистов» Ярославский из него исключен – как человек, не «заслуживающий доверия»⁵.

В августе 1922 г. члены политического комитета Ярославский и Дегтярев отправились в Петроград для пропаганды биокосмизма. Святогор обвинил их в незаконном присвоении названия группы, в краже ее идеологии и терминологии и тем самым ее дискредитации. Ярославский и Дегтярев в свою очередь дистанцируются от московской организации и ее президента Агиенко, которого они называют «диктатором», «себялюбивым и трусливым», «с мелко-буржуазной идеологией»⁶. Раскол внутри движения приводит к основанию северной группы биокосмистов-иммортиалистов в Петрограде. Они признают те же принципы бессмертия и «интерпланетаризма», провозглашенные в Декларации, опубликованной в декабре 1922 г. в созданном ими печатном органе «Бессмертие»; так же, как и московские биокосмисты, они выражают свою лояльность по отношению к советской власти⁷. И существование московской группы в скором времени после этого сходит на нет.

Теоретик аэронавтики К. Циолковский, с которым Биокосмисты наладили контакт, обещал им сотрудничество в их следующих номерах, однако им удалось выпустить только один номер «Бессмертия». Северная группа биокосмистов особенно активно проявляла себя в сфере поэзии. С 1922 по 1923 г. выходят четыре поэтических сборника Ярославского⁸ и антология биокосмической поэзии «Биокосмисты: десять штук»⁹, самое известное их издание. Группа также организовывала вечера и публичные дискуссии, посвященные вопросам религии, евгеники, регенерации, омоложения, анабиоза, рефлексологии. Их выступления на поэти-

¹ Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921.

² Святогор А. Два. (Биокосмизм, материалы № 2). М., 1922.

³ Материалы двух изданий под маркой «Креаториума биокосмистов»: Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921; Два. (Биокосмизм, материалы № 2). М., 1922 – составляют номера 3–4 (май-июнь) периодики «Биокосмист»: Биокосмист. М., 1922. № 3–4 (май-июнь).

⁴ Святогор А. Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 3–11; или см.: Литературные манифесты: От символизма до «Октября» / Сост. Н.Л. Бродский и Н.П. Сидоров. М., 2001. С. 275–284.

⁵ Небоскреб. 1922. № 1 (нояб.). С. 6–7.

⁶ Открытое письмо (от 11.08.1922) // Небоскреб. 1922. № 1 (нояб.). С. 11.

⁷ Декларация северной группы биокосмистов-иммортиалистов (от 12.08.1922) // Бессмертие. Орган северной группы биокосмистов (иммортиалистов) и комитета поэзии биокосмистов. 2-е изд. Пг., 1922. № 1(25 нояб.). С. 1.

⁸ Ярославский А.Б. Поэма анабиоза. Пг., 1922; Святая бестиаль. Пг., 1922; На штурм вселенной. Пг., 1922; Миру поцелуй. Пг., 1923.

⁹ Биокосмисты. Десять штук / А. Ярославский, И. Линкст, П. Логинов и др. Пг., 1923.

ческих вечерах пользовались определенным успехом. Ярославский осуществил ряд пропагандистских поездок в Псков (октябрь-ноябрь 1922 г.)¹ и Боровичи (январь-февраль 1923 г.)². В результате представительства группы северных биокосмистов открываются в Иркутске, Омске, Киеве и Пскове³; как следствие этих выступлений можно рассматривать появление «антитаксидермистов» в Боровичах⁴.

14 ноября 1922 г. издание биокосмистов «Бессмертие» попадает в поле зрения Малого президиума Петрогубисполкома. Несмотря на то что журнал получил разрешение на публикацию, некоторые его пассажи осуждены как порнографические, и оно попадает под запрет⁵. Подобная участь ожидала и сборник Ярославского «Святая бестиаль» (1922), тоже запрещенный из-за «порнографического содержания»: «Поручить тов. Мессингу проверить организацию биокосмистов и лиц, стоящих во главе организации. По согласованию с цензурой конфисковать и уничтожить всю их порнографическую литературу»⁶.

В мае 1923 г. Ярославский переезжает в Москву, где участвует в ряде вечеров⁷. Биокосмисты становятся предметом нападков и издевательств со стороны публики, а также других анархистов, толстовцев и прочих критиков. Пролетарская пресса упрекает их в оторванности от реальных, наиболее насущных задач, таких как ликвидация безграмотности и элементарное литературное просвещение. В скором времени движение прекратило свое существование.

Среди теоретических текстов биокосмистов, в которых они излагают программу своего движения, особого внимания заслуживает манифест Святогора «Биокосмическая поэтика (Пролог или градус первый)» (1921): «Меньше всего нам свойственно

¹ <Б. п.> Биокосмисты-имморталлисты // Псковский набат. 1922. № 244 (26 окт.) С. 4; Лекция Александра Ярославского // Псковский набат. 1922. № 247 (29 окт.). С. 4; <Объявление> // Псковский набат. 1922. № 249 (1 нояб.). С. 1; *З-нь К.* <К. Заринь> Биокосмизм и иммортализм // Псковский набат. 1922. № 251 (3 нояб.). С. 2.

² <Б. п.> Биокосмисты в Боровичах // Красная искра. 1923. № 4 (1 февр.). С. 2.

³ А. Крусанов предполагает, что анархистские структуры были использованы для распространения идей биокосмистов; см.: *Крусанов А.В.* Раскаты поэтического мятежа // Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция (1917–1921). М., 2003. С. 732.

⁴ *Яковлев И.* Брызги бестиализма. Боровичи, 1923.

⁵ См.: Выписка из протокола заседания Малого президиума Петрогубисполкома от 14 ноября 1922 г., цит. по: *Крусанов А.В.* Раскаты поэтического мятежа // Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). С. 393, 731.

⁶ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 2. Москва и Петроград. 1921–1922. М., 2006. С. 529.

⁷ Из биографических данных о А. Ярославском нам известно, что он сын врача, учился во Владивостоке в гимназии (1907–1914). 9 августа 1914 г. поступил на физико-математический факультет С.-Петербургского университета, но занятий не посещал. В ноябре 1914 г. и в сентябре 1915 г. пытался поступить добровольцем в первую авиационную роту, чтобы получить навыки пилота. В начале 1916 г. он определен в резервный пехотный батальон № 176, откуда отбывает 4 марта. Ярославский отправляется на Дальний Восток, в 1920 г. принимает участие в боях в рядах сибирского анархистского отряда, затем живет во Владивостоке и в Улан-Удэ, где сотрудничает в качестве редактора в нескольких газетах («Красное знамя» во Владивостоке, редактор газеты «Прибайкалье» в 1921 г. в Верхнеудинске) и публикует несколько книг (Плевки в бесконечность. Владивосток, 1917; Звездный манифест. Владивосток, 1918; Великолепное презрение. Чита, 1921). В 1922 г. в Москве присоединяется к группе биокосмистов, после ее распада остается верен идеям биокосмизма. В 1925 г. командирован Политпросветом в провинцию в качестве лектора. В 1926 г. Ярославский отправился в Берлин, где активно сотрудничал с эмигрантскими изданиями. В 1928 г. вернулся в Россию. В мае того же года Ярославский арестован в Москве и отправлен на Соловки (осужден на пять лет тюрьмы). 10 декабря 1930 г. расстрелян за попытку к бегству. В июне 1931 г. на Соловках расстреляна также жена Ярославского – Евгения Исаковна Ярославская-Маркон (1902–1931).

чувство почтительности, нам ничуть не импонирует величие натуральной необходимости. Наш первый и последний враг – равновесие натурального порядка. <...>

Мы утверждаем, что теперь же в повестку дня необходимо во всей полноте поставить вопрос о реализации личного бессмертия.

<...> Ведь прежде всего к равновесию бессмертия стремится каждая жизнь.

В повестку дня мы включаем и “победу над пространством”. Мы говорим: не воздухоплавание – это слишком мало, – но космоплавание. И космическим кораблем, управляемым умудренной волей биокосмиста, должна стать наша земля. <...> Нельзя же оставаться только зрителем, а не активным участником космической жизни.

И третья наша задача – воскрешение мертвых. Наша забота – о бессмертии личности во всей полноте ее духовных и физических сил. Воскрешение мертвых – это восстановление в той же полноте ушедших в гроба. При этом мы отнюдь не впадаем в трясину религии или мистицизма. Мы слишком трезвы – и религии и мистике объявляем войну.

Таков наш биокосмизм. Он, несомненно, величайшая дерзость. Но великое и дерзкое оскорбляет, и мы уже видим глухую и явную ненависть – ведь биокосмизм принижает все идеи, все идеологии. Всякая идиллия о “счастье на земле” вне биокосмизма – вреднейшая иллюзия, начало чудовищной тирании. <...>

Мы креаторы. Нами уже основан “Креаторий биокосмистов”. Для невежественных мозгов креаторий звучит как крематорий – и они, пожалуй, правы. Нам, действительно, необходимо сжечь слишком многое, если не все. Ведь биокосмизм начинает совершенно новую эру. Вся предшествующая история от первых появлений органической жизни на земле до солидных потрясений последних лет – это одна эпоха. Это эпоха смерти и мелких дел. Мы же начинаем великую эру – эру бессмертия и бесконечности»¹.

Сравнение креатория с крематорием, призванным сжечь все старое во имя создания новой эпохи, здесь, безусловно, обращено к ключевому эсхатологическому мифу авангарда и революции, объединяющему понятия разрушения и созидания, мифу о «новом человеке» и художнике-творце наравне с Богом. Святогор затрагивает также вопрос эстетики, отмежевавшись, как и всякий уважающий себя художник авангарда, от своих предшественников – символистов и футуристов, он при этом предпочитает не углубляться в вопросы формы и содержания: «Мы не можем взять эстетику символистов или футуристов не только потому, что они изжиты и отходят в прошлое, но потому что у нас есть свой критерий. У нас также нет желания сунуть свой нос в какую-либо филологическую или стилистическую мышеловку. Нам ничуть не импонирует ни Потебня, ни Веселовский, ни Погодин и подобные им. Центр нашего внимания не историческая или психологическая эстетика, но эстетика телеологическая. Еще в меньшей мере, чем старые предрассудки, нас могут смутить полуграмотные построения сегодня»². Святогор не раз обращается к понятию «телеология» в своем манифесте; по мнению исследователя В.И. Вишева, понятие «телеология» едва ли уместно: «Вряд ли последний термин можно считать удачным и оправданным в данном контексте, впрочем, как и используемое биокосмистами понятие иммортализма, поскольку и то, и другое имеет принципиально иной традиционный смысл, и наделение их собствен-

¹ Святогор А. Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 4–5.

² Святогор А. Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 5–6.

ным содержанием может лишь породить путаницу и двусмысленность, отнюдь не компенсируя эти неудобства адекватностью выражения существенно новой идеи, концепции в целом»¹. Однако главным здесь оказывается не выбор того или иного термин, а попытки биокосмистов выйти в новые области творческого созидания – в сферу космоса, которая прежде входила в сферу влияния исключительно религиозного мышления. Отмежевавшись от экспериментов по изучению поэтического языка, которыми углубленно занимались их современники (очевиден намек на формалистов), биокосмисты при этом проводят параллель между грамматикой и математикой, рассуждая в том числе и о синестезийном характере языка: «Наш стиль начинается рядом. Ряд – это прямая или кривая, вычерчиваемая ходом творческого духа. Но ряд еще не метр. Метр – это внешняя схема, биокосмический дух вообще не укладывается в нее. Биокосмический дух вычерчивает иную схему. Как поэты, мы имеем в виду ряды, построенные: на биокосмическом ритме, который телеологичен, на жесте, на интонации, на мимике, на весе, на темпе и на температуре. Мы враги всякой данной стабилизации в языке. Нам нужен новый синтаксис, построенный на параллельности, пересечении, параболичности биокосмических рядов. Нам нужны предложения, творимые по принципам геометрии. Ведь грамматика только неудавшаяся математика. Мы решили быть Лобачевскими в грамматике»². Однако отсылки к точным наукам здесь вовсе не для того, чтобы предпринять попытку выстроить новый стиль, новую поэзию. Биокосмисты принципиально отрицают такого рода толкование их творчества, образы и символы кажутся им архаичными для их радикальной программы; в этой связи более подходящим оказывается понятие «организм», а свое принципиально новое творчество, открывающее дорогу в космическое пространство, в новую, улучшенную природу человека, они планируют создавать с опорой на «ряд»: «Мы творим не образы, но организмы. Образ слова базируется на внешнем зрении, на поверхности. Образ – только впечатление, только описание, и потому он недостаточен. Образы, если они не объединены, – только хаос. Здоровый путь творчества лежит от образа к ряду. Ставить для поэта образ во главу угла – значит впадать в колею регресса, идти не вперед, а назад. Ряд же есть начало космоса. Мы не образоносцы, но рядотворцы»³. Отказавшись от всякой стабильности в языке, они помышляют «о воскрешении слова», которое состоит «в ловком подборе префиксов и суффиксов», ищут «личины слов» («нас привлекают слова как оборотни, как маскарад»)⁴, мечтают об открытии в языке новых модальностей, об изобретении «десятков и сотен наклонений», «наклонения космоса и наклонения бессмертия»⁵.

Так, вопреки общей сумбурности идей и терминов, четко прочитывается желание молодых поэтов выйти в некие новые измерения, существование которых подтверждают открытия в точных науках и последние достижения техники. Амбиции биокосмистов оказываются еще шире, в их программу входит «построение всемирного, межпланетного языка»: «мы беременны новыми словами. Так, мы предчувствуем междометие встающего из гроба человека. Нас ждут миллионы

¹ Вишев И.В. Проблемы иммертологии. Кн. 1: Проблема индивидуального бессмертия в истории русской философской мысли XIX–XX столетий. Челябинск, 1993. С. 88.

² Святогор А. Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 8.

³ Святогор А. Биокосмическая поэтика. С. 6.

⁴ Святогор А. Биокосмическая поэтика. С. 7.

⁵ Там же.

междометий на Марсе и на других планетах. Мы думаем, что из биокосмических междометий (в широком смысле) родится биокосмический язык, общий всей земле, всему космосу»¹. Слово, по мнению биокосмистов, выступает чем-то слишком локальным, над ним довлеет «примат домашнего очага, родного края, родной нации и государства, своей расы»², тогда как междометие – его предшественник, простой шум в элементарном ряду смысла на пересечении различных перцептивных ощущений, оно и может послужить основой для «межпланетного» общения.

Универсальный, космический язык – идея, которая занимает художников авангарда, и биокосмисты спешат включить ее в свои декларативные тезисы. Первый космический язык, язык АО, был построен в 1920 г. Вольфом Гординым в качестве языка международной коммуникации по математическим законам. В 1927 г. в Москве этот язык был представлен на Всемирной выставке межпланетных аппаратов в качестве языка межпланетного общения. Идеологической базой для него послужило одно из направлений анархизма, сама же структура опиралась на те же источники, что и футуристическая поэзия с ее заумным языком³. Братья Гордины возглавляли движение анархистов-универсалистов; Святогор упоминает В. Гордина в статье «Доктрина отцов и анархизм-биокосмизм», где называет его универсалистом-интериндивидуалистом⁴. Однако по всей справедливости роль пионера в данной области принадлежит Велимиру Хлебникову и его заумному языку (1908), который также был призван перекинуть мост не только между искусствами, но и между народами. В 1919–1921 гг. поэт охвачен идеей создания универсального звездного языка, составной частью которого был также «язык чисел». Хлебников, безусловно, является одним из главных вдохновителей для биокосмистов, сопоставление в его творчестве таких концепций, как «животные», «числа» и «язык», отвечают их собственным линиям творческого поиска⁵, не говоря уже о теме победы над смертью, столь заботящей русского футуриста и нашедшей свое отражение в пьесе 1915 г. «Ошибка смерти». В издании «Бессмертие» Ярославский публикует свое стихотворение «Памяти Хлебникова» с подзаголовком «Единственному футуристу, с которым мы считаемся», написанное по случаю смерти поэта, с прямой отсылкой к упомянутой пьесе⁶.

Если же обратиться к теоретическим положениям биокосмистов и их применению в поэтической практике, то кроме небольшой иллюстрации в виде стихотворения с усложненным синтаксисом⁷ никаких других попыток больше не предпринимается; в целом поэзия биокосмистов носит скорее реалистичный характер, ставя своим приоритетом утилитарное и пропагандистское содержание.

В заключительной части манифеста Святогор обращается к расплывчатому понятию «бестиализма», представленного так называемыми «типами зверья», которые якобы выше типов человеческих: «Но у каждого из нас свой индивидуальный путь. В биокосмизме как нигде креатор может развернуть свои личные

¹ Святогор А. Биокосмическая поэтика .С. 7.

² Святогор А. Наши утверждения // Биокосмист № 1. М., 1922. С. 4.

³ Kuznetsov S. Linguistica cosmica: La naissance du paradigme cosmique // Une familière étrangeté: la linguistique russe et soviétique. Histoire Epistémologie Language. Т. XVII, fasc. 2, 1995. P. 211.

⁴ Святогор А. «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм // Два. (Биокосмизм, материалы № 2). М., 1922. С. 13.

⁵ См., например: «В черновой записи Хлебникова начала 20-х годов “Что я изучил” на первом месте – “звери”, потом “числа” и “азбука”». Цит по: Арензон Е.Р. «Задача измерения судеб...»: К пониманию историософии Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 524.

⁶ Ярославский А. Памяти Хлебникова // Бессмертие. Пг., 1922. № 1. С. 6–7.

⁷ Святогор А. Времени до; Июнь размяк // Два. (Биокосмизм, материалы № 2). М., 1922. С. 25–26.

бездны. Так, лично я имею в виду, между прочим, перечеканку типов, прошедших сквозь тысячелетия (адаптация), в частности – типов зверья. Типы зверья выше типов человеческих. Ведь и божеству было превосходнее представлять в образе зверином, а не человеческом. Бог, воплотившийся в зверя, выше бога вочеловечившегося, Апис больше Иисуса»¹. Автор также приводит поэтические примеры в качестве иллюстрации своей идеи. Тема «звериной силы» указывает своеобразное направление для «улучшения» природы человека, решившего «овладеть космосом»². Такого рода обращение к на вид архаической и примитивистской составляющей, на первый взгляд, контрастирует с крайне прогрессивистской позицией биокосмизма, – в этом, однако, нет ничего удивительного: комплексная авангардная парадигма органично включает в себя противоположные тенденции. Отрицание предшествующих традиций заставляет художников обращаться к наиболее древним слоям культуры, а порой и к преисторическим событиям, к тому слою коллективной памяти, когда еще не существовало классовых градаций, а следовательно, насильственный заряд культурной и социальной истории сводился на нет, позволяя таким образом выстраивать альтернативную парадигму. В том же парадоксальном ключе, – казалось бы, несовместимом с гуманистическим пафосом выше перечисленных деклараций, – Святогор делает следующий вывод о биокосмизме: «он должен разорвать тупые мозги, чтоб посеять в них зерна биокосмизма»³. Другой особенностью биокосмизма становится обращение к массам, при этом контрастирующее с гипертрофированным эгоцентризмом биокосмистов, отстаивание ими максимальной свободы и максимального права личности, что также является одной из ярких констант авангарда; объяснение этому мы находим в одном из текстов Святогора: «это один упруго смотанный клубок»⁴. Так, инстинкт бессмертия становится принадлежностью индивидуального и коллективного инстинкта; организм, наделенный бессмертием, при этом утрачивает свои индивидуальные черты, – биокосмисты, однако, подчеркивают совершенно новую природу такого рода эволюции, соответствующую природе «нового человека», способной «объединить и примирить личность и коллектив»⁵: «Биокосмизм вообще утверждает крайнюю индивидуализацию и в то же время максимальную социальность. <...> Первое и второе единовременны, органически едины, одно из другого вытекает, одно другим утверждаются. Но это особая, биокосмическая индивидуализация и социальность»⁶. О преображении при помощи научно-технических достижений человеческого тела, которое наделяется «новым зрением / видением», биокосмисты говорят следующее, обращаясь к себе самим: «Ему ли быть спокойным и бродить с закрытыми глазами, когда даже пятки его должны быть вооружены телескопами. Ему ли хныкать и дремать в колее меланхолии, когда его зовет величайшее творчество, о котором не грезил еще ни один творец, ни одна самая горячая голова»⁷.

¹ *Святогор А.* Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 9.

² *Лидин П.* Орех, недоумение и камни // Два. (Биокосмизм, материалы № 2). М., 1922. С. 29.

³ *Святогор А.* Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 9.

⁴ *Святогор А.* Радость играющего зверя // Биокосмист. М., 1922. № 2 (апр.). С. 2.

⁵ *Ярославский А.* Космический максимализм // Бессмертие. Пг., 1922. № 1. С. 2.

⁶ *Святогор А.* Биокосмическая поэтика // Святогор А., Иваницкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921. С. 9.

⁷ Там же.

Размышления биокосмистов о «желаемом сближении искусства и науки» приводят их к высказанной в одной из статей идее студии-театра, который мог бы послужить своего рода лабораторией для поиска художественных средств, способных выразить альтернативные практики, исключаящие насилие человека над человеком и направленные на работу по усовершенствованию самой личности: «Прекрасным опытным полем для первоначального культивирования этих идей и постепенного проведения их в жизнь могла бы быть студия-театр. Задача участника такой студии состояла бы в полном и совершенном проявлении своей собственной идеальной личности в сочетании с такими же проявлениями других индивидуальностей. Нахождение идеальных норм каждого исполнителя и оказание ему помощи в достижении этих норм составляло задачу руководящего коллектива научных специалистов и деятелей искусства. Такой театр оказался бы местом небывалого синтеза науки, искусства и жизни, оказался бы средством слияния их в единое всеобъемлющее творчество»¹. Такого рода идеи в 1920-е гг. развивали биомеханический театр Вс. Мейерхольда, проект Научной организации труда (НОТ) А. Гастева, Д. Вертов в своих фильмах, театр-лаборатория Б. Арватова, разыгрывающие на театральных подмостках идеальные (экономические) модели коллективного производства².

Движение поэтов-биокосмистов, безусловно, следует рассматривать в рамках идей философии русского космизма, который зародился в середине XIX в. в творчестве Н.Ф. Федорова и получил свое развитие в XX в. в работах Н.А. Умова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, В.Н. Муравьева, А.К. Горского и др. Космизм также заявляет о себе в философском наследии мыслителей русского религиозного возрождения – В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, которые разрабатывают идею активного управления процессом эволюции, идею активной и творческой эсхатологии; фраза Бердяева так резюмирует этот процесс – «конец этого мира, конец истории зависит и от творческого акта человека»³. Важное место отводится преодолению болезней и смерти, реализации бессмертия; космическая экспансия также входит в эту грандиозную программу. В 1920-е гг. идеи космизма становятся особенно популярны в советской России, устанавливается целая «космическая парадигма», включающая в себя комплекс научных идей и мифов; идея космоса идет рука об руку с глобальным восприятием революционных событий. Революция, таким образом, породила дополнительную волну энтузиазма в отношении преобразования мира, человек стремился одержать верх над природными катаклизмами, которые нарушают его счастье, над болезнями, временем, Историей, смертью. Речь, следовательно, идет не только о социальных изменениях, но и об изменениях онтологического характера, касающихся как человека, так и природы в целом.

Исследователь космизма А. Гачева говорит о том, как идеи Федорова «дали плод в литературе – и дореволюционной, и советского времени. В. Брюсов и В. Маяковский, Н. Клюев и В. Хлебников, М. Горький и М. Пришвин, А. Платонов и Б. Пастернак в разной степени и в разные годы подпадали под влияние воскресительных идей мыслителя, его представлений о назначении человека, смысле истории, будущем земли. <...> Федоров оказался удивительно близок эпо-

¹ Васильев Л. Пятнадцать тезисов нормальной идеологии // Бессмертие. Пг., 1922. № 1. С. 4.

² Чубаров И.М. Коллективная чувственность: Теории и практики левого авангарда. М., 2016. С. 316.

³ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. О России и русской философской культуре. М., 1990. С. 258.

хе 1920–1930-х гг. с ее пафосом активизма, волей к организации истории, к творчески-преобразовательному действию, с ее идеократической устремленностью. <...> Но если в духовную атмосферу Советской России его идеи входили по преимуществу опосредованно и часто в редуцированном, оскопленном, *прокрустовом* виде, то русская эмиграция имела возможность воспринимать и осмыслять их целостно-религиозно, вне узких рамок цензуры и партийной идеологии, в пространстве мировоззренческой и творческой свободы»¹.

Биокосмисты принимают участие в религиозных и философских диспутах; так, В. Анист упоминает участие А. Святогора в трехдневном религиозном диспуте с докладом на тему «Христос биокосмиста»: «Этим докладом впервые был открыт нами фронт по религиозно-мистическому сознанию. По докладу высказывались Н. Бердяев, Булгаков, Сергиенко, С. Попов, Вольтер и другие, причем особенно волновались, негодуя, толстовцы»². Николай Бердяев в своих воспоминаниях упоминает этот диспут в клубе московских анархистов, на который были также приглашены, но не явились епископы и священники; Святогора он называет «Федоровцем»: «Говорил федоровец, который именовал себя биокосмистом. Он нес невероятную чепуху об Евангелии от кобылицы. В конце заявил, что социальная программа-максимум уже осуществлена и что теперь остается поставить на очередь дня космическое воскресение мертвых. Это вызвало в аудитории смех»³. М. Хагемейстер комментирует рассказ Бердяева и, в частности, пассаж, где Святогор выступает в качестве последователя Федорова, указывая на ошибку в датах: дискуссия проходила не в конце 1918 – начале 1919 г., как утверждает Бердяев, а уже в 1921 г.⁴

Биокосмисты артикулируют свою позицию по отношению к основателю космизма Н. Федорову и его работе «Философия общего дела». Так, в статье «Доктрина отцов и анархизм-биокосмизм» Святогор противопоставляет федоровскому понятию «братства» биокосмистское понятие «соратники»: «В биокосмизме люди объединяются, как соратники, ибо соратничество наиболее творческое взаимоотношение. Соратничество противоположно братству, как нетворческому взаимоотношению. В братстве отношения даются наперед, предreshены природно, потому что здесь нет творчества. В соратничестве ничто не дано, но достигается, создается»⁵. Далее Святогор категорически отрицает тот факт, что философия Федорова могла послужить каким-либо идейным источником для биокосмизма, родившегося, согласно автору, «абсолютно независимо». К тому же биокосмисты, познакомившись с этой «философией», заявляют, что она им «абсолютно чужда». Разница заключается в том, что Федоров отталкивается от «религиозно-платонического дуализма», который проповедует существование идеального божественного мира и мира людей, где есть смерть; человек может бороться с ней, лишь собирая «останки отцов». Напротив, биокосмизм признает только несовершенный мир реальности, главные задачи биокосмистов – реализация личного бессмертия и интерпланетаризм, проблема воскрешения стоит лишь на третьем месте. Свя-

¹ Гачева А. «Философия общего дела» Н.Ф. Федорова в духовных исканиях русского зарубежья // Философия космизма и русская культура: Материалы международной научной конференции. Белград, 2004. С. 17.

² Анист В. Движения биокосмизма // Биокосмист. М., 1922. № 1 (март). С. 6.

³ Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 235.

⁴ Hagemeister M. Die «Biokosmisten» – Anarchismus und Maximalismus in der frühen Sowietzeit // Studia slavia in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag: 1, Beiträge zur ostslawischen Philologie. München, 1983. S. 65.

⁵ Святогор А. «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм. С. 18.

тогор признает, что этот последний пункт – единственная точка соприкосновения между двумя концепциями, которая к тому же является лишь внешней, и у них столько же общего, «сколько с любым попом, говорящим по-своему о бессмертии, т. е. ничего общего нет»¹. Такая категоричность является, бесспорно, признаком времени. Святогор считает очень наивной концепцию воскрешения Федорова, которая представляет собой грубую форму материализма, в частности, концепция атомизма, суть которой состоит в повторном собирании всех атомов, когда-то составлявших тела отцов, что не исключает смерти и является «сизифовым трудом». Такой подход механистичный и нетворческий. Согласно биокосмистам, космизм Федорова – это упрощенные попытки «спасти царизм и православие»². Программа Федорова, по мнению Святогора, основана на естественном божьем законе и на поверхностном знании естественных наук, что делает ее противоречивой и непоследовательной. Святогор не признает будущего за такого рода концепциями, а доказательством своей точки зрения считает свершившуюся революцию. Действительно, биокосмисты предлагают атеистическое понимание космизма, в дальнейшем они активно участвуют также в советской антирелигиозной пропаганде³, и, как это часто происходило с художниками авангарда, демонстративно отрицают своих прямых предшественников, от чьих идей они непосредственно отталкиваются. Свершившаяся революция дает им надежду на тотальное преобразование природы общества, последующую отмену государства, а главное – на преобразование человеческой природы посредством творческой мысли, которая сама по себе материальна и берет на свое вооружение технику.

Б. Гройс также рассуждает о позиции биокосмистов: «Святогор пытается отличить свои взгляды от взглядов Федорова, называя последнего старомодным и даже архаичным, потому что, как считает Святогор, Федоров чрезмерно подчеркивает, что всех людей объединяют родство и братство. Но в то же время сходство

¹ *Святогор А.* «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм. С. 19.

² *Святогор А.* «Доктрина отцов» и анархизм-биокосмизм. С. 20

³ В этой связи интересна дальнейшая деятельность Святогора. В ноябре 1922 г. в рамках движения обновления церкви по его инициативе организована группа Свободная трудовая церковь (СТЦ), которую возглавляют Святогор, пензенский епископ Иоанникий, Н. Лебедев и Ф. Жилкин. Их программа демонстрирует, как Святогор на иной манер пытается внедрить идеи биокосмизма в массовое сознание. Тезисы программы провозглашают восстание против Христа и ига смерти во имя идеалов любви, личного бессмертия, воскрешения и мира во вселенной (см.: Свободная трудовая церковь // Известия ВЦИК. 1922. № 273 (2 дек.). С. 4). Подобного рода толкование христианства в сочетании с идеями мировой революции, требование борьбы с религиозными предрассудками, церковными обрядами и мистицизмом и, наконец, предложение изменить внешний облик церкви помещают группу в лагерь атеистических организаций. В марте 1923 г. Святогор уходит из СТЦ. Позже, в 1929 г., он пишет, что с 1923 г. отказался от идеалистических идей и признал идеологию диалектического материализма (ленинизм-марксизм) в качестве единственно приемлемой (см.: *Святогор А.* <Письмо в редакцию> // Правда. 1929. № 48 (27 февр.) С. 6). В середине 1920-х гг. Святогор отходит от анархизма и активно участвует в антирелигиозной пропаганде в клубах. В начале 1930-х гг. он работает в центральном комитете Союза воинствующих безбожников. Помимо прочего он пишет заметку о повести К. Циолковского «На Луне» в журнале «Антирелигиозник», публикует несколько книг, как, например, «Живое слово», посвященное речевой культуре, «О чудесных тайнах» и др. (см.: *Ударцев С.* Биокосмизм: предчувствие космической эры // Простор. Алма-Ата, 1992. № 4. С. 161). Темой неанархистских произведений Святогора становятся вера в силу разума, достижения технической цивилизации, освоение космоса, прогресс медицины и триумф коммунизма. Он занимает должность библиографа в Центральном антирелигиозном музее в Москве. 25 июня 1937 г. Святогор арестован по обвинению в «участии в антисоветской группе, хранении антисоветской литературы, а также в подрывной деятельности по развалу антирелигиозной работы» (цит. по: *Крусанов А.В.* Раскаты поэтического мятежа // Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция (1917–1921). М., 2003. С. 733). 4 ноября 1937 г. он осужден на восемь лет лагерей. Здесь его след теряется.

между Федоровым и программой биокосмистов более чем очевидно. Хотя идея космоса как места бессмертия имеет свое происхождение в христианстве, она является наиболее последовательным отрицанием религии. Для победы над религией недостаточно сказать, что бессмертия нет, и запретить людям стремиться к бессмертию. Концепция технического воскрешения может быть понята как последний шаг в процессе секуляризации, ибо секуляризация остается лишь частичной, пока она только отрицает, ограничивает и аннулирует те надежды, желания и требования к жизни, которые формулирует религия. Пройденный биокосмистами путь от радикального анархизма к признанию советской власти как (возможной) тотальной биовласти характерен и для многих других “попутчиков” Октябрьской революции»¹.

Е. Кучинов делает акцент на анархистской составляющей программы биокосмистов, для которых идеи рабства (оправдания крепостного права), «долга», служения, самодержавия, присущие философии Федорова, являются неприемлемыми. Их бунт направлен на свержение рабства в природе и обществе, начало чему уже положила революция: «Действительное рабство обозначено у Н.Ф. Федорова словом “долг”, идею которого нужно “глубоко, твердо усвоить” и очиститься от которого можно “только через великий, тяжкий, продолжительный труд”². У Н.Ф. Федорова воскрешение отцов (сыновний долг) становится “тяглом”, которое скрепляет братство тех, кто занят “общим делом”³. Выплата этого естественного долга требует, по Н.Ф. Федорову, двоякого объединения: внешнего, осуществляющегося через самодержавие, и внутреннего – через православие. Только выплата этого долга дает сынам, задолжавшим отцам, бессмертие. <...> Инстинкт же бессмертия анархо-биокосмистов – это именно анархический принцип, он поднимается снизу вверх, скорее из мира насекомых и техники, чем из самодержавных предписаний отцов. <...> Если воскрешение отцов – это элемент экономики долга, тягло “восполнения нехватки”, то иммортализм – это экономика кражи и дара, а инстинкт бессмертия – это чистое беззаконие»⁴.

Гораздо более однозначной является позиция биокосмистов в отношении К. Циолковского, с работами которого они были хорошо знакомы и который являлся одним из их главных вдохновителей. В нем они в первую очередь видят основателя «ракетодинамики» и создателя космических аппаратов; но не воспринимают его как мыслителя-гуманиста, развивающего понятие панпсихизма, размышляющего о воле и причинах космоса, об отрицании смерти в ее субъективном аспекте. Объяснение этому простое: философские работы Циолковского были опубликованы после того, как вышли в свет основные тексты биокосмистов⁵.

Биокосмисты, о чем свидетельствуют их программные документы и теретические выкладки, отражают в своей деятельности как начальную оптимистически-утопическую фазу русского авангарда, нацеленную на деконструкцию старой культурной, религиозной и общественной парадигмы, так и ее постепенный переход к уже зрелой конструктивной стадии с созданием радикально новой парадиг-

¹ Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия // Гройс Б. Русский космизм. Антология. М., 2015. С. 22–23.

² Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т. е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства // Федоров Н.В. Соч. М., 1982. С. 192.

³ Там же. С. 162

⁴ Кучинов Е. Фрагменты анархо-биокосмистов // Святогор. Поэтика. Биокосмизм. (А)теология. М., 2017. С. 251–252.

⁵ Вишев И.В. Проблемы иммортологии. Кн. 1: Проблема индивидуального бессмертия в истории русской философской мысли XIX–XX столетий. Челябинск, 1993. С. 80.

мы – с верой в человека и его творческие преобразовательные силы – и ставят на повестку дня наиболее смелые идеи в их космическом масштабе. Молодые поэты-анархисты в первые послереволюционные годы активно участвуют в процессе формирования представления о новом мироустройстве, когда важным историческим субъектом становятся массы с их до-/надындивидуальным характером; не менее симптоматичным оказывается обращение биокосмистов к теме животных: их биологическая и психическая природа призвана послужить элементами для создания «нового человека», на которого возлагаются поистине огромные надежды, вплоть до достижения бессмертия. Биокосмисты в начале 1920-х гг. постепенно встают на путь жизнестроения, нацеленного, как и весь проект русского левого авангарда, на производство свободных социальных отношений, не несущих на себе отпечатка насилия, предполагающих альтернативный неотчужденный порядок межчеловеческих отношений. Биокосмический «взрыв», таким образом, представляется явлением уникальным, выделяясь даже на фоне наиболее эксцентричных проявлений европейского авангарда.

ЛИТЕРАТУРА

Бессмертие. Орган северной группы биокосмистов (иммортиалистов) и комитета поэзии биокосмистов. Пг., 1922. № 1 (25 нояб.). 2-е изд.

Биокосмист. Орган организации Креаторий российских и московских анархистов-биокосмистов. М., 1922. № 1 (март); № 2 (апр.); № 3–4 (май-июнь).

Биокосмисты. Десять штук / А. Ярославский, И. Линкст, П. Логинов, О. Лор, К. Чечкин, С. Кочет, Эонст Эрн, Н. Рэм, Аристарх Сергиенко, С. Тихонов. Пг., 1923.

Вишев И.В. Биокосмизм конца 10-х – начала 20-х годов XX века // Вишев И.В. Проблемы иммортологии. Кн. 1: Проблема индивидуального бессмертия в истории русской философской мысли XIX–XX столетий. Челябинск, 1993. С. 80–101.

Гачева А. Религиозно-философская ветвь русского космизма (1920–1930-е гг.) // Гачева А., Казнина О., Семенова С. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 79–125.

Гройс Б. Русский космизм: биополитика бессмертия // Гройс Б. Русский космизм. Антология. М., 2015. С. 6–29.

Крусанов А.В. Раскаты поэтического мятежа // Крусанов А.В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор): В 3 т. Т. 2. Кн. 1. Футуристическая революция (1917–1921). М., 2003. С. 382–395, 730–733.

Кучинов Е. Фрагменты анархо-биокосмистов // Святогор. Поэтика. Биокосмизм. (А)теология. М., 2017. С. 241–279.

Святогор А. Два. (Биокосмизм, материалы № 2). М., 1922.

Святогор А. Петух революции. М., 1917.

Святогор А., Иванецкий П. Биокосмизм (Материалы № 1). М., 1921.

Ударцев С. Биокосмизм: предчувствие космической эры // Простор. Алма-Ата, 1992. № 4. С. 160–162.

Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982. 711 с.

Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967. P. 201–203.

Hagemester M. Die «Biokosmisten» – Anarchismus und Maximalismus in der frühen Sowjetzeit // Studia slavica in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag: 1, Beiträge zur ostslawischen Philologie. München: Verlag Otto Sagner, 1983. S. 61–76.

Kuznecov S. Linguistica cosmica: La naissance du paradigme cosmique // Une familière étrangeté: la linguistique russe et soviétique. Histoire Epistémologie Language. T. XVII, fasc. 2, 1995. P. 211–235.

REFERENCES

Immortality. The Organ of the Northern Group of Biocosmists (Immortalists) and the Committee of Poetry Biocosmists. Petrograd. 1922. No 1 (November 25). 2nd ed.

Biocosmist. The Organ of the Organization Creatorium of Russian and Moscow Anarchists-Biocosmists. Moscow. 1922, No 1 (March); No 2 (April); No 3–4 (May-June).

Biocosmists. Ten Pieces. A. Yaroslavsky, I. Linkst, P. Loginov, O. Lor, K. Chechkin, S. Kochet, Eonst Ern, N. Rem, Aristarkh Sergienko, S. Tikhonov. Petrograd. 1923.

Vishev I.V. Biocosmism of the late 10s – early 20s of the twentieth century. In: Vishev I.V. Problems of Immortality. Book 1: The Problem of Individual Immortality in the History of Russian Philosophical Thought of the Nineteenth and Twentieth Centuries. Chelyabinsk. 1993, pp. 80–101.

Gacheva A. Religious and Philosophical Branch of Russian Cosmism (1920–1930s). In: Gacheva A., Kaznina O., Semenova S. Philosophical Context of Russian Literature of 1920–1930s. Moscow. 2003, pp. 79–125.

Groys B. Russian Cosmism: Biopolitics of Immortality. In: Groys B. Russian Cosmism. Anthology. Moscow. 2015, pp. 6–29.

Krusanov A.V. Peals of a Poetic Insurrection. In: Krusanov A.V. Russian Avant-Garde: 1907–1932 (Historical Review): In 3 vols. Vol. 2. Book 1. Futuristic Revolution (1917–1921). Moscow. 2003, pp. 382–395, 730–733.

Kuchinov E. Fragments of Anarcho-Biocosmists. In: Svyatogor. Poetics. Biocosmism. (A)theology. Moscow. 2017, pp. 241–279.

Svyatogor A. Two. (Biocosmism, Materials Number 2). Moscow. 1922.

Svyatogor A. Cock of Revolution. Moscow. 1917.

Svyatogor A., Ivanitsky P. Biocosmism (Materials No 1). Moscow 1921.

Udartsev S. Biocosmism: Premonition of the Space Age. *Prostor*. Alma-Ata. 1992. No 4, pp. 160–162.

Fedorov N.F. Works. Moscow. 1982. 711 p.

Avrich P. The Russian Anarchists. Princeton, 1967, pp. 201–203.

Hagemeister M. Die “Biokosmisten” – Anarchismus und Maximalismus in der frühen Sowietzeit. In: *Studia slavia in honorem viri doctissimi Olexa Horbatsch: Festgabe zum 65. Geburtstag: 1, Beiträge zur ostslawischen Philologie*. München: Verlag Otto Sagner, 1983. S. 61–76.

Kuznecov S. Linguistica cosmica: La naissance du paradigme cosmique. En: Une familière étrangeté: la linguistique russe et soviétique. Histoire Epistémologie Language. T. XVII, fasc. 2. 1995, pp. 211–235.

Сведения об авторе:

Александра Николаевна Красовец,
канд. филол. наук
научный сотрудник
Институт славяноведения, РАН

Alexandra N. Krasovets,
PhD in Literature
Research Fellow
Institute of Slavic, RAS

aestas@yandex.ru